

В. Г. Белинский

**Литературно-критические
статьи**

Избранные

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-4
ББК 84-4
Б43

Б43 **Белинский В.Г.**
Литературно-критические статьи: Избранные / В. Г. Белинский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 516 с.

ISBN 978-5-458-48676-7

ISBN 978-5-458-48676-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» (Соч., т. XVII, стр. 341).

I

Белинский родился в Финляндии, в городе Свеаборге, 13 июня 1811 года в семье младшего лекаря флотского экипажа. Дед его был священником в селе Бельни бывшей Пензенской губернии, откуда и пошла фамилия Белинский. Детство критика протекало в грубой мещанской обстановке в глухом уездном городишке Чембаре, куда перевелся его отец. Это было тяжелое детство, Белинский вспоминал его с великой горечью и болью: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и ругал площадно, — вечная ему память! Я в семействе был чужой». «Иметь отца и мать для того, чтобы смерть их считать моим освобождением, следовательно, не утратою, а скорее приобретением, хотя и горестным; иметь брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мне брат и сестра — ...все это не слишком утешительно».

Ученье свое Белинский начал в Чембарском уездном училище, где и пристрастился к чтению русской литературы. Он перечитал почти всю литературу XVIII в. и начала XIX в., увлекаясь Карамзиным, Херасковым, Державиным, Сумароковым, Дмитриевым, Богдановичем, Крыловым и другими. Он переписывал стихи, сам писал стихи, баллады, плакал над «Бедной Лизой». В 1823 году училище ревизовал писатель И. И. Лажечников. Он рассказывает: «Во время делае-

мого мною экзамена, выступил передо мною между прочими учениками мальчик лет двенадцати, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он между тем на лицо казался старше, чем показывал его рост. Смотрел он серьезно, таким вообразил бы я себе ученого доктора между позднейшими нашими потомками, когда, по предсказаниям науки, измельчает род человеческий. На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто палел на них, как ястреб на добычу, и отвечал большею частью своими словами, или прибавляя то, чего не было даже в казенном руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался от одного предмета к другому, связывал их непрерывной цепью и, признаюсь, старался сбить его. Мальчик вышел из трудного положения с торжеством.

С осени 1825 года Белинский перевелся в Пензенскую гимназию, в которой он попрежнему жил интересами русской литературы. От Державина через Жуковского он перешел к Пушкину; последний оказал на него очень сильное влияние. Одновременно он интересовался Вальтер-Скоттом, Байроном, Гете, романтизмом, зачитывался статьями Н. А. Полевого и Н. И. Надеждина. Как и в Чембаре, писал стихи, считал себя «опасным соперником Жуковского», страстно увлекался театром, эта страсть сохранилась у него и в университетские годы, много спорил по разным вопросам с семинаристами, в среде которых он вращался. Жил замкнуто и среди товарищей слыл за «философа». Уже в эти годы юноша Белинский поражал окружающих его знанием литературы, самостоятельностью суждений, прямою и силой мысли. Учился он, правда, неравномерно, но был в списке отличнейших учеников по российской словесности и в 1829 году

даже замещал по решению гимназического начальства отсутствовавшего в 1-м классе преподавателя русского языка.

Оставив гимназию, Белинский в 1829 году осенью поступил на словесный факультет Московского университета. Университет в то время не блистал учеными именами, выделялись профессора С. П. Шевырев, М. Г. Павлов и особенно Н. И. Надеждин. Особенное влияние оказывал на студента Белинского Надеждин, который, исходя из основ философии Шеллинга, нападал на крайности романтизма, выдвигал, хотя и непоследовательно, реализм, требовал правдивого изображения жизни, иногда подходя к социологическому объяснению литературных явлений. Впоследствии Белинский оценил Надеждина по его заслугам, назвав его «ученым ослом». «Боже мой, что это за человек! — писал он в 1837 году. — Из этих критик видно, что г. критик даже и не подозревал, чтобы на свете существовали добросовестность и убеждения, любовь к истине, к искусству. Он извивается, как змея, хитрит, клеветает, по временам притворяется дураком, и все это плоско, безвкусно, трактирно, кабацки».

В какой-то мере влиял на молодого студента и профессор Павлов. Он читал физику, излагал в свете натурфилософской школы основы естествознания. Конечно, и без влияния этих профессоров Белинский стал бы тем, чем он остался в истории русской общественной мысли. Они были слишком малы перед ним, он пропикпovenней их' вперял свой орлиный взгляд в жизнь, лучше их понимал ее, но и они поставили перед юношей Белинским, равно как и перед Герценом, Станкевичем и другими, острые вопросы действительности. Не разрешили, но только поставили, сосредоточили на них внимание. И эту их роль мы не должны отрицать.

Больше всего на юношу Белинского влияла товарищеская среда, в которой шли горячие философские споры, споры о романтизме и классицизме, о Пуш-

кине, Ломоносове, Державине. Белинский со своей непримиримой страстью стоял тогда за романтизм, за Пушкина, боролся с классицизмом, отрицал эстетические каноны. Особенно поразил его «Борис Годунов», в котором он с особой силой ощущал время, жизнь, людей.

Сознав, что он «не рожден быть стихотворцем и, не хотя идти наперекор природе», Белинский бросил писать стихи и начал пробовать свои литературные силы в «смиренной прозе». В 1830—1831 годах, отчасти под влиянием материальной нужды, а главное, горя страстью сказать свое слово, он написал драму «Дмитрий Калинин»; этой драме он придавал большое значение, веря, что она произведет в обществе сильное впечатление. Он писал отцу: «Может быть, вы скоро увидите имя мое в печати и будете читать обо мне разные толки и суждения, как в худую, так и в хорошую сторону. Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно наделает шума». В действительности драма, как художественное произведение, была слаба, не было в ней развито и какой-либо определенной политической линии, но она замечательна и сохраняет свое значение по силе и страстности вложенного в нее протеста против крепостного права. Общественные понятия молодого студента были в то время наивны, он еще не понимал социальной природы русского самодержавия, не умел делать, наблюдая действительность, революционных выводов, тем не менее драма, когда она попала в цензуру, была признана безнравственной, опасной, позорящей университет, автору грозили ссылкой в Сибирь, лишением всех прав состояния. В этой драме автор ставил основным вопрос того времени и всей своей литературно-критической деятельностью: «Неужели эти люди, — писал он про крепостных, — для того только и рождаются на свет, чтобы служить прихотям таких же людей, как и они сами? Кто дал это гибельное право — одним людям

порабощать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Господин может для потехи или для рассеяния содрать шкуру со своего раба, может продать его как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно». История с драмой так потрясла Белинского, что он заболел.

В 1832 году университетское начальство, к великому своему позору, воспользовавшись болезнью Белинского и тем, что он неаккуратно посещал лекции, не сдал во-время положенных экзаменов, исключило его из университета «по слабому здоровью и при этом по ограниченности способностей». Белинский на всю жизнь остался, как нередко кричали и писали его классовые враги, недоучившимся студентом. Отсутствие систематического образования сильно мешало Белинскому в его деятельности, он вынужден был прислушиваться к тем, кто был пигмеем перед ним, но надо сказать, что Белинскому, как справедливо заметил писатель В. Ф. Одоевский, негде было учиться, «рутинизм наших университетов не мог удовлетворить его логического в высшей степени ума; пошлость большей части наших профессоров порождала в нем лишь презрение». Передовая университетская молодежь получала образование в кружках. Белинский был в кружке Н. В. Станкевича, который оказал на него влияние большее, чем все московские профессора, в этом кружке он с увлечением изучал философию Шеллинга, яркого представителя немецкой идеалистической романтической школы.

Белинский прожил свою жизнь в нужде. Полуголодную жизнь он вел и в гимназии, и в университете, и позже, не раз вынужденный писать ради денег. Он был умственный пролетарий. В то время как Герцен, Бакушин, Станкевич и другие жили на средства от труда своих крепостных, жили, не заботясь о своем материальном положении,

Белинский всегда должен был думать о хлебе насущном и зарабатывать его. Он не раз признавался: «Вот что убивает и иссушает во мне источник жизни. Едва родится во мне сознание силы, едва почувствую я теплоту веры, как квартира, овощная лавочка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчас же убивает силу и веру, и тогда я могу только играть в свои козыри или шашки». Уже в университете он имел вид крайне истощенного человека. «Вместо свежего, живого румянца юности на лице его был разлит какой-то красноватый колорит». В начале 30-х годов критик жил в ужасных условиях. «Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться к нему надобно было по грязной лестнице; рядом с его камеркой была прачечная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вошочего мыла». Обстановки никакой, питание скверное, жил в одиночку, никто ему не прислуживал. Гнусная российская действительность, самодержавно-крепостническая Россия и постоянная пужда и свели в могилу этого замечательнейшего, гениального человека.

Но выходе из университета, оставшись без всяких средств, без всякой материальной поддержки, Белинский не упал духом, не растерялся. Жил он тогда переводами, преимущественно с французского, стремился занять место учителя, корректора университетской типографии. Спасло его знакомство с Надеждиным, который издавал тогда «Телескоп» и приложение к нему «Молву». В сентябре 1834 года в «Молве» появились его «Литературные мечтания», которые печатались до января 1835 г. Статья имела шумный успех, она составила эпоху в истории журналистики. Белинский сразу стал известным критиком. Он с увлечением отдается журнальной работе, помогает Надеждину, заменяет его и, наконец, становится полноправным редактором. Осенью 1836 года «Телескоп» был закрыт. В поисках литературной работы Белинский ведет переписку с А. А. Краевским, принимает его предложение сотрудничать в «Литературных

прибавлениях к Русскому инвалиду», но настаивает на полной свободе своих литературных высказываний. В 1838—1839 годах Белинский работал в «Московском наблюдателе», принимая участие в редакции журнала. В октябре 1839 года после долгих колебаний и сборов Белинский переехал в Петербург и начал работать в «Отечественных записках» А. А. Краевского. Сотрудничество Белинского подняло значение журнала, дало возможность нажиться его издателью-редактору, который выжимал из критика все соки, заваливая его всякой черной работой и в то же время платя ему жалкие гроши. Под конец своего сотрудничества в «Отечественных записках» Белинский презирал Краевского, ненавидел его и искал подходящего случая вырваться из рук этого эксплуататора. В 1846 году Белинский перешел работать в «Современник», который Н. А. Некрасов и И. И. Панаев переняли у П. А. Плетнева. Работал он в этом журнале до самой смерти, в нем появились лучшие статьи Белинского: «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Взгляд на русскую литературу 1847 года». В это же время было написано и знаменитое «Письмо к Гоголю».

Белинский был среднего роста, некрасивый, с понурой головой. Прекрасны были белый лоб и «голубые, с золотыми искорками в глубине зрачков», глаза. Голос у него был слабый. Среди чужих людей он робел, стеснялся и даже терялся. Когда же дело касалось убеждений, он быстро загорался. Он не боялся никаких о себе суждений, не страшился, что его назовут подлецом, льстецом или покроют еще какими-либо позорными ругательствами. Ему было «легче умереть с голоду, ... чем потоптать свое человеческое достоинство, унижить себя перед кем бы то ни было или продать себя». Недаром Белинского звали «Неистовый Виссарион». Действительно, этот скромный и застенчивый человек был человеком великой страсти, страсти безгранич-

ной любви к человеку. Эта пламенная страсть давала ему неуываемую красоту, величие в веках, но одновременно она и сжигала его. Характеризуя Белинского, Герцен писал: «Белинский самая деятельная, порывистая, диалектическая — страстная натура бойца». Если он во что-либо уверовал, то «не бледнел ни перед каким последствием, не останавливался ни перед нравственным приличием, ни перед мнением других, чего так страшатся люди слабые и несамобытные».

На какой-то литературной вечеринке, — рассказывает Герцен в «Былое и думы», — один магистр, доктринер и чопорный педант, утверждал, что Чаадаев поступил «гнусно», «презрительно» и за свое философическое письмо понес наказание вполне заслуженно. Спорил Герцен. Белинский прислушивался.

«— В образованных странах, — сказал с неподражаемым самодовольством магистр, — есть тюрьмы, в которых запирают безумных, оскорблявших то, что целый народ чтит... и прекрасно делают.

Белинский вырос, он был страшен, велик в эту минуту, скрестив руки и глядя прямо в магистра, он ответил глухим голосом:

— А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным.

Сказавши это, он бросился в кресло изнеможенный и замолчал. При слове «гильотина» хозяин побледнел, гости обеспокоились, сделалась пауза. Магистр был уничижен».

Да и сам Белинский писал про себя: «Как скоро дело касается до моих задушевных убеждений, я тотчас забываю себя, выхожу из себя, и тут давай мне кафедру и толпу народа; я ощущу в себе присутствие божие, мое маленькое «я» исчезнет, и слова, полные жара и силы, легко польются с языка моего».

Умер Белинский от туберкулеза 28 мая 1848 года. Много бед ожидало его, если бы он остался жив. Он не

избежал бы участи многих передовых людей царского времени. Крепость, каторга уже были ему приготовлены, за ним зорко следили и III отделение, выполнявшее тогда обязанности политической полиции, и цензура. Шеф жандармов, граф А. Ф. Орлов в записке «об особенном характере новой нашей журналистики» указывал, что Белинский и его последователи «в молодом поколении могут легко поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме», а потому статьи Белинского должны быть «прежде отпечатания подвергаемы настрожайшему просмотру». Даже либеральный цензор Никитенко так правил статьи Белинского, что критик ходил, «как человек, получивший в обществе оплеуху». Еще в 1836 году в связи с напечатанием в «Телескопе» философического письма Чаадаева было дано распоряжение «о взятии всех бумаг в квартире Белинского». «Его величеству угодно было, чтобы при сем случае был сделан у Белинского самый тщательный обыск, в предупреждение того, чтобы он не мог которые-либо из бумаг скрыть, с объявлением ему, что буде впоследствии откроется передача им бумаг в другие руки или утайка оных, то он будет подвергнут за сие строжайшей ответственности». А когда Белинский от Бакуниных, у которых гостил в Прямухине, возвращался в Москву, он «прямо с заставы был представлен обер-полицмейстеру», но «при тщательном осмотре всего в имуществе Белинского ничего сумнительного не оказалось». За несколько месяцев до смерти, в связи с розысками автора «безыменного письма с возмутительными предсказаниями насчет будущего России», подозрения пали на критика, и его дважды вызывали в III отделение к Дуббельту. Смерть спасла его от ареста.

Белинский жил в такое время, когда рушилось крепостное право, а промышленность, несмотря на свою незначительность, переживала бурный рост; когда, несмотря на поражение восстания декабристов и жестокую николаевскую реакцию, в передовых слоях интеллигенции были сильно распространены идеи утопического социализма и много говорили о революции.

Передовую и значительную роль тогда играло еще дворянство, иные чувствовали свое привилегированное положение и теоретически им тяготились, иные были против самодержавия и крепостного права, но они были все же дворяне и не в состоянии были вести решительную и активную борьбу против существующего режима, далее либерализма они не шли. Только исключительные личности, вроде Герцена, Огарева, Бакунина, находили в себе достаточные силы, чтобы порвать со своим классом и встать в ряды непримиримых борцов с самодержавием и крепостничеством.

Ожидать, что на арену общественной борьбы выступит непосредственно само крестьянство; народ, как тогда говорили, было невозможно; крестьянство не было организованной политической силой, оно было способно только еще на бунт; а в эти годы стихийное недовольство крестьян своим положением не выливалось наружу, копилось внутри и начало выявляться в виде восстаний только лишь с конца 50-х годов.

Нужна была какая-то общественная группа, которая могла бы ближе стать к крестьянским массам, дать им мировоззрение и политическую программу, взять на себя роль авангарда. На Западе аналогичную социальную функцию выполняла буржуазия и частично мелкобуржуазная интеллигенция. В России того времени буржуазия еще не была крупной решающей политической силой. Эту задачу история возложила на разночинную интеллигенцию, на левое крыло ее, которое бо-